

Глава VI

Начало исторических исследований М.В. Ломоносова

1. Дискуссии 1747–1748 гг.

Происходившие в России первой половины XVIII в. изменения имели историческое значение, что было очевидно просвещенной части российского общества. Петр Великий и его сподвижники создали первые образцы трудов по истории России и способствовали созданию в западноевропейских странах первых исторических разысканий по этой теме, обеспечивая их авторов материалами исторических источников. Во второй четверти этого столетия появились первые академические исследования по истории России и Восточной Европы, а также журналистика исторического содержания. В.Н. Татищев явил пример того, как в новых российских условиях военный и администратор высокого ранга может стать исследователем, который профессионально изучает отечественную историю.

Данные обстоятельства способствовали не только росту интереса в образованной части россиян к истории, но также появлению представлений, в соответствии с которыми образованный человек при желании может написать свое сочинение на темы российской истории.

В Архиве СПбИИ РАН хранится труд, название которого объединило древнюю традицию летописей и новейшие политические реалии — «Летописец Российский» [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, № 649]. В этой рукописи — 454 л., написанных разными почерками, которые соединили традиции шрифтов наборной печати рубежа XVII–XVIII вв. с выносными буквами, свойственными рукописным текстам того же времени. На титульном листе рукописи не указаны ни автор, ни год создания этого сочинения. Но из фразы предисловия «о чем зри в календарях российских сего 1743-го лета» [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, № 649, лл. 1 об. — 2] следует, что это сочинение было написано в первой половине 40-х гг. Его содержание начинается с Потопа, Ноя

и расселения его сыновей, а завершается 1682 г. — годом смерти царя Федора Алексеевича. Автор использовал при написании своего труда Степенную книгу, ссылался на хроники Адама Бременского, Гельмольда и Георгия Кедрина, на «Синописис», на русский перевод труда Ф.И. Страленберга об истории и географии России, «Церковных анналов» Ц. Барония, а также другие сочинения.

В рукописи указаны даты как от Сотворения Мира («от Адама»), так и от Рождества Христова. Но в изложении событий по столетиям использовано понятие *век*.

Автора рукописи идентифицировать не удалось, но состав использованных в ней исторических произведений свидетельствует о том, что он был человеком образованным, знатоком истории уже в представлениях Нового времени. Впрочем, конкретное содержание рукописи, ее оформление раскрывают значительную зависимость автора от еще средневековых представлений об истории России, а также от уже существующих исторических сочинений. Поэтому его «Летописец Российский» соединил компиляцию чужих сведений и опыт систематизации исторических сведений о российской истории.

Компиляцией стала вводная часть рукописи, посвященная древнейшей истории народов Европы. Автор произвел их от «Иафетова сына Гомера». В соответствии со «Сказанием о Славене и Русе», «Синописисом», он считал славян и «российцев» потомками скифов, название Москвы возводил к «праотцу Мосоху», славян — к Славену, русских — к Русу и так далее. Впрочем, ссылаясь на Ф.И. Страленберга, он написал также о происхождении имени Россия «отчасти от имени Рюрика, первого новгородского государя, отчасти же подписуются град Старая Руса» [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, № 649, лл. 7 об., 8 об., 10–10 об.; см. дословное совпадение цитированного ранее текста с русским переводом труда Страленберга: [*Страленберг Ф.И.*] 1985. Ч. 1. С. 51].

Компилятивно соединяя разные сочинения и новейшие сведения, автор написал о том, что славяне и русы обладали северными странами до «Ледовитого моря» и до Оби «иже и ныне Сибирь». Но воевали они, по его мнению, также в «египетских и во ерусалимских странах и в варварских странах». «Начальники» их — Великосан, Асан и Авесхасан. Они были исполнены храбрости и мудрости, так что Александр Македонский прислал им в 5208 г. от Сотворения Мира грамоту, написанную золотом. В продолжение этого сюжета автор написал о войне двух славянских князей Лалоха и Лахерна против «земли Греческой» в 308 г. до Рождества Христова.

Наряду с такими и аналогичными вымышленными сюжетами, свойственными русской литературе XVII в., автор привлек современные ему исторические сочинения. По Ф.И. Страленбергу он использовал хроники Адама Бременского и Гельмольда для определения столицы древних славян в Ольденбурге в Вагрии. Автор правильно определил Вагрию как область в совре-

менной ему Голштинии, принадлежащей в одной части датскому королю, в другой — герцогу Голштинскому и епископству Любекскому. Но в отличие от уже формирующейся традиции он не соединил Вагрию с родиной варягов [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, № 649, лл. 10 об., 12–13, 15, 16 об.].

Начальную историю Руси, вслед за ПВЛ в летописях не датированную, автор изложил, начиная с избрания новгородцами «старейшиной» князя Гостомысла. Сюжет о «призвании» Рюрика он постарался переосмыслить, компилируя разные по происхождению произведения: перед смертью Гостомысл собрал русских «властителей», которые ему «подчинялись» и сказал им: «А вижду яко земля наша добра и обильна, но нет у вас царя от рода царского. Идите за море в варяжскую и прусскую землю и молитесь тамо живущих самодержцев, иже есть роди кесаря Августа, да идут к вам княжити». Стремясь осмыслить эти сведения как историк, автор написал, что после смерти Гостомысла, но до прибытия Рюрика, новгородцы управлялись посадником. Совмещая домыслы и ошибки, но имея в виду единство исторического пространства Руси, он здесь же приписал, что тогда же, когда происходили события после смерти Гостомысла, после князя Кия землями кривичей и древлян владели его племянники Оскорд (имеется в виду Аскольд) и Дир.

Автор написал о Ладоге во время правления Рюрика как о первой столице будущего Московского государства, тогда как Москва стала его пятой столицей. Эта мысль утверждала мнение о Руси–России как едином историческом пространстве. Но автор считал нужным ответить на еще один важный для него вопрос — о причинах того, что «Россия» до Рюрика платила дань варягам. Он обратился к русскому переводу труда Ф.И. Страленберга. Но вместо косар-хазар, по Страленбергу, у него появились «корсары или шарсары». Они вместе с варягами угнетали «славенский народ». Поэтому неизвестный автор продолжил: «<...> российское княжество несколько времени дань платила корсаром и оттого славенской народ в такое утеснение преведен, что принужден был по совету Гостомыслову, которой был знатным между новгородскими мещанами, призвать знатных и многими делами славных господ Рюрика з братьями и владычество над собою поручити оным» [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, № 649, лл. 18 об., 19, 23–23 об.; см. дословное совпадение цитированного ранее текста с русским переводом сочинения Страленберга: [Страленберг Ф.И.] 1985. Ч. 1. С. 54–55].

Последующую, датированную в летописях, историю «России» автор излагал преимущественно по «Синописису» и Степенной книге с учетом прежде всего русских переводов трудов М. Стрыйковского, Ц. Барония, а также других сочинений. В соответствии с этими источниками, а подчас и домысленными сведениями, в тексте сообщалось об основных событиях в правление князей, а начиная с Ивана Грозного, и царей. Новым в рассматриваемой рукописи стало составление небольших таблиц, в которых сообщалось о значительном числе правителей: в каком году родился князь или царь, начало его

правления, «кончина», количество лет «правления» и «жития». Даты в каждой таблице указывались «от Адама» и «от Христа». Впрочем, отобранные неизвестным автором сведения об исторических событиях, произошедших в то или иное правление и в Смутное время, изложены преимущественно по историческим сочинениям XVII — первой трети XVIII в. Даты приведены также в соответствии с этими работами без их критического анализа.

«Летописец Российский» неизвестного автора свидетельствовал не только о значительном интересе к отечественной истории среди образованных русских людей, но также о попытках в первой половине 40-х гг. XVIII в. написать о ней особое сочинение. В изложении древнейшей истории европейских народов, славян и «российцев» автор оказался не в состоянии решить поставленную задачу. Но при изложении российской истории со второй половины IX в. по 1682 г. он смог на любительском уровне систематизировать доступные ему материалы. Показательно, что в 1743 г., на второй год правления Елизаветы Петровны, автора не беспокоил вопрос об этнической принадлежности варягов, и он вслед за Ф.И. Страленбергом отождествил их с корсарами.

Об особом интересе к российской истории в среде людей образованных свидетельствует также опыт написания обобщающего произведения на данную тему в стихах. Такой опыт предпринял датчанин по происхождению Адам Бурхард Селлий (1696–1746). Его биография недостаточно ясна [Берков П.Н. 1966. С. 98–109]. Ее содержание в разном изложении существенно различается. Одно из них находится в рукописи, хранящейся в БАН. Она содержит выполненный в 1747 г. перевод стихотворного изложения российской истории «Зерцало историческое», написанного Селлием. Перевод предваряет «Предисловие к читателю», где кратко изложены сведения об авторе. Судя по тому, что этот биограф или соавторы-биографы Селлия называли Александро-Невскую семинарию «нашей», они относились к числу ее руководителей или учителей.

В соответствии с этим «Предисловием» А.Б. Селлий прибыл в Петербург в 1733 г. и стал учителем латинского языка в Александро-Невской семинарии. Он быстро выучил русский язык настолько, что стал читать летописи и сочинения о русской истории. В 1736 г. Селлий переехал в Москву, где изучал древние летописи и другие исторические источники. В связи с этими разысканиями в биографии упомянуто изучение Селлием Никоновской летописи, хранившейся в БАН, которую он после возвращения в Петербург перевел на немецкий язык. В «Предисловии» сообщалось о его переходе в православие в 1744 г. и о монашеском пострижении в 1746 г. под именем Никодим. Кратко написано о его исторических сочинениях, а также о пожелании их автора своим душеприказчикам его сочинения сжечь. Но, как они написали в «Предисловии», этого они не исполнили, а, напротив, перевели в стихотворной форме на русский язык написанное латинскими стихами «Зерцало историческое».

Высокий литературный стиль «Предисловия», безымянность его авторов, а также переводчиков «Зеркала исторического», их принадлежность к Александро-Невской семинарии, изложение биографии А.Б. Селлия как скромного, но хорошего знатока российской истории и подвижника, могут свидетельствовать об их духовном сани и о написании ими этой биографии в соответствии со свойственными им духовными ценностями [БАН. 31.7.19, лл. 4–5].

В биографии А.Б. Селлия, опубликованной во втором издании «Древней Российской вивлиофики», сообщались дополнительные сведения о его жизни. Он приехал в Петербург около 1722 г. и стал учителем латинского языка и «других наук» в Александро-Невской семинарии. Через три года Селлий переехал в Москву, где также был учителем. Вернувшись в Петербург, он познакомился с учеными, состоящими на службе в Академии наук, и стал секретарем графа И.Г. Лестока. Уйдя от Лестока, он позднее принял в 1744 г. православие и в том же году пострижен в монахи. После его смерти префект Александро-Невской семинарии Амвросий (1708–1771; Андрей Степанович Зертис-Каменский, будущий архиепископ Московский) собрал его труды, поместил их в книгохранилище Александро-Невского монастыря и вместе с Гавриилом Кременецким (ум. 1779; Григорий Федорович Кременецкий, будущий митрополит Киевский Гавриил) перевел в стихах его сочинение «Зерцало историческое» (имеется в виду ранее названный перевод 1747 г.), поднесенное императрице Елизавете Петровне с посвящением от имени Александро-Невской семинарии [*Селлий А.* 1791. С. 39–41].

Иным предстает А.Б. Селлий в его биографии, предваряющей публикацию русского перевода его труда «Каталог писателей», изданного в Москве в 1815 г. (см. о нем далее). В годы, последовавшие за его предшествующими биографиями, сознание русских людей стало в значительной мере раскрепощено не только внутренней политикой Екатерины II (до 1790-х гг.), но также либеральными реформами начала царствования Александра I и особенно Отечественной войной 1812 г. Так что третий безымянный биограф Селлия при сохранении основной канвы событий обращал внимание на такие факты его жизни, о которых ранее, особенно в царствование Елизаветы Петровны, писать не рекомендовалось.

В биографии 1815 г. сообщалось, что А.Б. Селлий учился в разных университетах. Вернувшись в Данию, он разошелся в понимании христианства с местными священниками, видимо, лютеранского исповедания. Около 1722 г. Селлий отправился из родных мест в Петербург. Он начал там с преподавания латинского языка в школе, основанной Феофаном Прокоповичем, а через три года отправился в Москву, где был учителем в гимназии. После возвращения в Петербург Селлий «жил при Академии наук». В 1741 г. он стал секретарем графа И.Г. Лестока, но вскоре оставил эту должность, поскольку был склонен к спокойной жизни. После этого он жил в Александро-Невском монастыре, читая летописи, труды по российской истории. Его привлекал

к сотрудничеству академик Т.З. Байер. Автор биографии не написал о преподавании Селлия в Александро-Невской семинарии, но он сообщил, что Селлий завещал своему духовному отцу префекту этой семинарии Амвросию передать свое собрание летописей и иностранных книг о России в семинарскую библиотеку, а рукописи сжечь.

Автор биографии 1815 г. также сообщил, что рукописи не были сожжены, а «Зерцало историческое» переведено стихами на русский язык самим Амвросием, а также Гавриилом Кременецким. Их стихотворный перевод был поднесен императрице Елизавете Петровне [*Селлий А.* 1815. С. 3–8]. Возможно, это подношение было принято положительно, поскольку карьера Амвросия оставалась успешной. В 1748 г. он был назначен архимандритом ставропигального монастыря «Новый Иерусалим», а в 1753 г. стал епископом Переяславским и Дмитровским. Столь же успешной была и карьера Гавриила Кременецкого.

Из биографии 1815 г. следовало, что А.Б. Селлий занимал активную творческую позицию. В 1741 г. он был близок к И.Г. Лестоку и, следовательно, к кругу интересов Елизаветы Петровны. Он был в доверительных отношениях с великолепно образованным префектом Александро-Невской семинарии Амвросием и хорошо знаком с членами Петербургской Академии наук. Впрочем, его возможности ограничивало слабое здоровье. Творчество Селлия как историка было поддержано просвещенными духовными лицами, будущими иерархами Русской Православной Церкви, а его стихотворный труд «Зерцало историческое» могла прочесть императрица Елизавета Петровна.

При жизни А.Б. Селлия было опубликовано лишь одно его произведение — «*Schediasma literarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrant*» («Литературные заметки о писателях, которые разъясняют своими сочинениями политико-церковную историю России») [*Sellius A.* 1736]. В этой работе перечислялись под 164 номерами русские и иностранные авторы XVI — первой трети XVIII в., а также их труды, в которых содержались сведения об истории России.

Другое его произведение, «*De Russorum hierarchia quinque libri*» («Пять книг о Русской иерархии»), осталось неизданным. Его оставил у себя префект семинарии Амвросий, а после его гибели уже в сане архиепископа Московского, когда он попытался успокоить сопровождавший погромы бунт в Москве во время эпидемии чумы в 1771 г., рукопись Селлия была помещена племянником Амвросия знаменитым историком и археографом Н.Н. Бантыш-Каменским в библиотеку Московского архива государственной Коллегии иностранных дел. Префект Новгородской семинарии, «философии учитель» Амвросий, автор обстоятельно написанной «Истории Российской иерархии», одобрил этот труд А.Б. Селлия, написанный на латинском языке, по его сведениям, около 1740 г. Как следует из изложения его содержания семинарским префектом Амвросием, Селлий кратко перечислил в нем соборы Русской Пра-

вославной Церкви, знаменитые монастыри, академии и семинарии, а также «знаменитых мужей Российских» [*Амвросий*. 1807. С. V–VI]. Так что Селлий хорошо изучил не только светскую, но и церковную историю России.

Особый интерес представляет его стихотворное изложение российской истории. Как отмечено ранее, оно было написано на латинском языке. Вопреки завещанию А.Б. Селлия, префект Александро-Невской семинарии Амвросий и Гавриил (Г.Ф. Кременецкий) не только не сожгли его, но и перевели в 1747 г. стихами «ради твердшаго в памяти содержания» [БАН. 31.7.19, лл. 4–5]. Так что, вероятно, семинаристы учили эти вирши наизусть.

Сохранившийся в рукописи перевод стихотворного изложения российской истории А.Б. Селлия называется: «Зерцало историческое государей российских родословие, преемство, время вступления на престол, из которого удельного княжества, перемены столичных городов, формы правления, фортуны, дела достопамятнейшие, и коликолетнее всякого владение от первого Рюрика до благополучного государствования Елизаветы Петровны <...>, кратко, но ясно представляющее тщанием и трудом Троицкого Александроневского монастыря бывшего брата монаха Никодима Селлия из разных российских достоверных рукописных летописцев и из многих иностранных историков собранное, и на латинском диалекте прежде кончины его стихами сочиненное, ныне же в Александроневской семинарии на Российский стихами также некоторых мест исправлением и дополнением переведенное и приложением троих родословных писателей умноженное 1747 года». Это сочинение имеет историографическое значение.

Российскую историю А.Б. Селлий начал с Рюрика и его братьев, снимая тем самым вопрос о длительной предыстории Руси. В соответствии с давней традицией, восходившей к Степенной книге и «Синопису», он называл всех правителей «самодержцами российскими». Руководствуясь сведениями древнейшего летописания, Селлий не упомянул Гостомысла, но Рюрика с братьями он вывел из Вагрии: «В древношедшие летà сыны три княжие / Рюрик, Трувор и Синей вси братья родные / Из Вагрии в Русскую вышли землю званы / И получили Страны жребием метанны». Так он, руководствуясь мнением С. Герберштейна, подтвердил мысль «Синописа» о славянской принадлежности варягов. Возможно, Селлий знал о дискуссии о происхождении Рюрика из голштинского славяно-ободридского княжеского рода, которая уже велась в северонемецкой литературе с целью показать равенство германских князей с могущественным русским царским домом, но также отвести ему достойное место среди европейских государей [*Шольц Б.* 2000. С. 109]. Но для Селлия важны были не эти политизированные конструкции, а определение древней этнической истории Руси, для чего он обратился к давней идее С. Герберштейна.

В утверждение единства княжеского рода А.Б. Селлий характеризовал Олега как двоюродного брата Рюрика. Стронник самодержавной власти, он

выразил осуждение Новгороду, общественно-политический строй которого воспринимался как республиканский, враждебный монархической княжеской власти: «Итак, Рурик один стал над всеми княжати / И самодержавием в России владети / Олег I, двоюродный брат Рурику / Сему не понравился Новгород всезлюбный, / В Киев престол перенес до того способный». В княжении Ольги Селлий отметил лишь ее месть древлянам и крещение в Константинополе, не сообщая летописных сведений о ее государственном управлении, в чем он следовал за «Синописисом». Но в повествовании о князе Святославе он написал не только о его военных действиях против «Греков». Селлий с осуждением указал на раздел страны Святославом между сыновьями, но отметил государственное назначение их деятельности — «взимать княжеские дани». Он охарактеризовал преследование Ярополком Святославичем своих братьев как попытку восстановить единство страны: «Ярополку сей раздел стался неприятным, / Убил Олега, сгнал мечем Владимира ратным; / И как может силится, чтоб владеть едину, / Но под месть под праведну злу принял кончину».

Вслед за летописной традицией А.Д. Селлий осудил деятельность Ярополка. Он в полной мере одобрил восстановление единовластия — «монархии» его братом Владимиром. Следствие этого — могущество Руси: «Наш Владимир, наш и князь велик процветает. / Сей Чюдь смирил, сего вся Полша трепетала». Написав о крещении Руси, Селлий изложил далее основное содержание правления киевских, владимирских и московских князей, следуя концепции перенесения столиц в Русском государстве.

Батыево нашествие А.Б. Селлий упомянул лишь в связи с гибелью великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича, но последующую зависимость русских земель от Орды он характеризовал как иго. Впрочем, далее его повествование следовало внешней канве исторических фактов, но не их содержания. В деятельности Александра Невского Селлий упомянул лишь Невскую битву и его поездки в Орду, но не назвал его противостояние крестоносцам. В княжении Ивана Калиты указано только перенесение «престола в Москву» (так вслед за «Синописисом» интерпретировано получение московским князем ханского ярлыка на великое княжение Владимирское, который позднее вручался также князьям других княжеств). Существенные изменения Селлий отметил лишь в связи с правлением Ивана III Васильевича — установление независимости страны и самодержавной власти: «Сей щасливо отчеству вновь вид пременяет, / Прежде князь, потом монарх Россов управляет. / Внутрних князей покорил, а татар мятежных / Выгнал прочь, и податей не стал давать прежних». Против «внутренних» и «внешних» врагов была направлена, по Селлию, также деятельность Ивана Грозного. Традиционно для историографии времени первых Романовых осуждены Борис Годунов и последовавшие за ним, «возшедшие на всероссийский престол не по наследию».

В условиях самодержавной традиции правления Романовых А.Б. Селлий не упомянул избрания Михаила Федоровича на престол, но отметил в его царствование главное — установление мира: «Сей бо тотчас в Отечество ввел покой любезный / И утвердивши престол через мир полезный / Врагов изгоняет вон, бунты все смиряет / Тихомирну жизнь себе и своим раждает». Столь же благотворно, по Селлию, правление и всех последующих Романовых [БАН. 31.7.19, лл. 7–23 и след.].

Рукопись «Зерцала исторического», хранящаяся в БАН, содержит, в отличие от его публикаций Н.И. Новиковым в «Древней Российской вивлиофике», посвящение императрице Елизавете Петровне, подписанное безымянно: «Всеподданнейшая Александроневская Семинария». В такой подписи содержится значительный смысл, поскольку «Зерцало историческое» в этой рукописи представляло собой не только сочинение А.Б. Селлия, но также «некоторых мест исправление и дополнение», как сообщалось в заголовке, выполненные его переводчиками, А.С. Зертис-Каменским — Амвросием и Г.Ф. Кременецким — Гавриилом. Что они исправили и дополнили в этом произведении Селлия, установить не удастся, но можно предположить, что его содержание было соотнесено с теми сведениями, которые сообщались в 40-е гг. ученикам Александро-Невской семинарии, включая прибытие Рюрика с братьями в «Русскую землю» из Вагрии. На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание. Селлий читал сочинение С. Герберштейна, в котором австрийский барон изложил свое предположение о происхождении варягов из славян вагров. Оно указано в числе других работ в его «Литературных заметках». Важно то, что около 1746 г. и, возможно, ранее эта идея уже была включена Селлием в изложение российской истории, а в 1747 г. прекрасно образованные Зертис-Каменский и Кременецкий, которые находились в начале своей успешной церковной карьеры, эту мысль сохранили, если только они ее не «дополнили». Она позволяла избавиться от участия в начальной российской истории нежелательных для Елизаветы Петровны варягов как широко понимаемых «немцев» или шведов. Поэтому переводчики стихотворного изложения российской истории могли без опасений поднести его императрице.

Историей России интересовался мастер, изобретатель механических приборов и комиссар, т. е. представитель власти с конкретными поручениями, Петр Никифорович Крекшин (1684–1763). Человек Петровской эпохи, он был патриотом России и искренне почитал ее историю. Крекшин собирал средневековые русские рукописи. Сведя воедино их сведения, он составил «Родословие великих князей, царей и императоров». Такое сочинение должно было изложить широкому читателю историю России как историю монархической власти, отождествленной с историей государства, что соответствовало идеологии абсолютизма в европейских странах второй половины XVII–XVIII в. Поскольку Крекшин в полной мере понимал особое значение Петровской эпохи,

он написал также «Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого» и другие сочинения [о Крекшине и его биографии Петра I см.: *Мезин С.А.* 2008. С. 169–176; см. там же литературу о Крекшине]. Впрочем, на уровне развития российской исторической науки второй половины 40-х гг. XVIII в. определяющим становилось не только *что*, но и *как* написано об истории России. К тому же в «Родословии» речь шла об истории правящей династии. Так что в условиях абсолютной монархии данная тема являлась также проблемой государственной.

П.Н. Крекшин писал в «Родословии великих князей, царей и императоров России» о прямой преемственности княжеской власти от Гостомысла до Владимира: «Великий князь Гостомysl родил молодого Славенска; молодой Славенск родил Изборска; Изборск — великую Ольгу; Ольга сочеталась браком великому князю или царю Игорю Рюриковичу; царь Игорь и царица Ольга родили Святослава; Святослав родил царя Владимира, иже святым крещением просветил Россию <...>» [РГАДА, ф. 17, ед. хр. 4, л. 26 об.]. То есть, устанавливая начальную историю княжеской династии России, Крекшин использовал распространенное в литературе XVII в. мифологизированное предание о Славене и Русе, возвел Гостомысла в великие князья, а Игоря Рюриковича — в цари. При этом ему пришлось исключить из «Родословия» князя Олега, поскольку при этом возникала политически острая в начале царствования Елизаветы Петровны проблема преемственности власти: провозглашенный императором Иоанн VI Антонович был свергнут во время переворота 25 ноября 1741 г., отправлен с родителями в ссылку, а позднее — в тюрьму.

Такое мифологизированное повествование о древней российской истории, далекое от известий исторических источников, П.Н. Крекшин продолжил при изложении княжения Владимира Святославича, которого он назвал «первый в России благочестивый царь». В таком названии Владимира царем он следовал за «Синописом». Сложные в военно-политическом содержании отношения Руси и Византии в 986–988 гг. Крекшин заменил идеологизированной идиллией, свойственной живописи эпохи классицизма: «Сему (князю Владимиру. — М. С.) гречестии кесари, Константин и Василий, прислали венец царский и святые бармы, скипетр и державу и диадиму царскую и просили, первое, да просветится святым крещением по греческому благочестию. Второе, да соблагоизволит венчаться венцем царским и помазаться царем и самодержцем всея России, трети, поимеет в жену сестру их цесаревну Анну» [РГАДА, ф. 17, ед. хр. 4. Л. 26 об.].

В главе, посвященной Рюрику, П.Н. Крекшин написал, что «великий князь Рюрик на великоновгородский престол призван из Вагрии». Для доказательства этой идеи он привел сообщения летописей о «призвании» Рюрика «от варяг», а также с разной мерой точности цитирования летописей, Степенной книги, «Миней четых», «Ядра Российской истории» А.И. Манкиева о «призвании» Рюрика «по завещанию Гостомысла от варяг или Руси». По-

явление в летописях чтения «Пруси» он считал «опискою» вместо «Русий». Утверждая славянскую принадлежность вагров, Крекшин переосмыслил слова С. Герберштейна. По его мнению, «вагры с россиянами славенского народа сродники». Обобщил он и сообщения хрониста Гельмольда: «Вагры — народ славенский». Сослался Крекшин также на сочинения немецкого историка Иоганна Христиана Шёттгена и польского историка Матвея Претория. Основываясь на них, он пришел к выводам, в соответствии с которыми Рюрика призвали «от россиян северных», тогда как «варяги на границах русских, ливонских, лифляндских жили», «россияне» призвали Рюрика из родственного народа, а «море Варяжское» называется по славянам ваграм [РГАДА, ф. 17, ед. хр. 4, л. 72–73 об.].

Показательно совпадение этих идей с тем, что написал тогда же о происхождении варягов из Вагрии А.Б. Селлий, а переводчики его труда А.С. Зертис-Каменский — Амвросий и Г.Ф. Кременецкий — Гавриил сохранили. Видимо, эта мысль, которая в елизаветинское царствование наполнялась политическим содержанием, обсуждалась в среде образованных россиян.

В главе «О титуле великих князей московских, откуда прияли и чего ради титулуются великими князьями всея России» П.Н. Крекшин объяснил начало происхождения такого титула с Мосоха: «Мосох, сын Иафетов, от всех историописателей титулован великий князь. Сей великий князь Мосох Иафетович по всемирном потопе первый стране московской населитель и яко присных над своих пред всеми народы предпочтил и яко венцем славы ублажи во имя свое Мосоховым, Мосоховским именованием повеле нарицатися в вечную память своего наследия. Того ради потомки его и доднесь московскими нарицаются, яко крове великого Мосоха». Так же мифологизировано он объяснил происхождение названия страны: «Мосохово наследие разделено было дву внукам его, князем Славену и Россу: великий князь Росс жил близь реки России. По сем князе Росс Россия нача именоватися. Сего ради, — объяснил Крекшин, — титла московских самодержцов великих князей всея России, то есть обоих частей великих Славена и Росса, то есть всей части Мосохове владетель и государь, и повелитель».

Утвердив таким образом кровное родство московских великих князей с Мосохом, а также их титул, П.Н. Крекшин вернулся к вопросу о титуле «царь» в древней российской истории: «Сей высокий титул князи московские издревле выше царского титула почитали и московский народ старший во всем свете пред всеми почитался и от начала имел своих самодержцов». Но Рюрика и Игоря он назвал «царями русскими», а Ольгу — «царицей». Что касается «царского венца, иже ныне в России обретається», так называемой шапки Мономаха, то она была прислана, по утверждению Крекшина, не Владимиру Мономаху императорами Константином Мономахом или Алексеем Комнином, а Владимиру Святославичу императором Константином Романовичем, то есть Константином VIII [РГАДА, ф. 17, ед. хр. 4, л. 74–74 об., 88].

Таким образом, для удревления этого легендарного события Крекшин пошел на пересмотр «Сказания о князьях Владимирских» и его более чем двух-вековой традиции в русской письменности. Его не смутило, что правящим византийским императором при жизни Владимира Святославича являлся Василий II Болгаробойца, а его брат Константин VIII стал самостоятельным правителем в 1025 г., тогда как Владимир умер в 1015 г.

Являясь чиновником, П.Н. Крекшин понимал, что написанное им сочинение о российской династической истории нуждается в государственной поддержке. Поэтому 27 августа 1746 г. он представил «Родословную» в Сенат. Там благоразумно решили, что сенаторы не компетентны в таких вопросах, и 12 сентября 1746 г. направили сочинение в Академию наук «для рассмотрения профессорскому собранию». В конце сентября того же года академическая Канцелярия поручила его экспертную оценку Г.Ф. Миллеру.

Г.Ф. Миллер отнесся к порученному делу основательно. Как он сообщил президенту Академии наук К.Г. Разумовскому, он перечел «разные Родословные, Разрядные и Степенные книги и Хронографы», в том числе и те, которые получил для ознакомления от П.Н. Крекшина. Вывод его о рецензируемом сочинении был негативный: крекшинское «родословие с российскими родословными книгами и с прочими известиями не сходствует». В частности, нет оснований для возведения Крекшиным правящей династии Романовых к смоленским и ярославским князьям, что являлось для автора доказательством принадлежности Романовых к Рюриковичам. Таким образом, Миллер как добросовестный историк выявил низкий уровень подготовленности Крекшина в исторических разысканиях и его фальсификацию исторических материалов к вящей славе правящей династии.

Впрочем, ложно понимаемый патриотизм и желание угодить власти имущим оказались для П.Н. Крекшина более существенными, чем стремление к познанию исторической действительности. Позднее, в 1750 г., с теми же намерениями он написал, что церковный брак Петра I и Екатерины был свершен в 1707 г., чтобы «доказать» рождение правящей императрицы в соответствии с «законом» [Кротов П.А. 2005. С. 88].

Как сообщил 25 января 1747 г. Г.Ф. Миллер К.Г. Разумовскому, вместо сочинения П.Н. Крекшина он подготовил на основании отечественных и иностранных исторических источников «экстракты» о княжеской российской генеалогии и генеалогические таблицы великих князей литовских. Кроме того, он доложил президенту Академии об исправлении им перевода первого тома «Истории Сибири», который все еще не был издан [Материалы. 1895. Т. 8. С. 237, 360–361; [Андреев А.И., Свирская В.Р.].1952. С. 541–542].

В своих замечаниях Г.Ф. Миллер подверг критике хронологическую таблицу П.Н. Крекшина (впрочем, и в его таблице содержались неточности). Он противопоставил крекшинскому объяснению происхождения слова «варя-

ги» собственное: «Хотя и есть мнение некоторых иностранных историописателей, что первый великий князь Российский Рюрик из Вагрии или из Голстинии в Новгород приехал, однакож оно пишут неосновательно. Варягами называны в то время всякие люди морские или мореходные, хотя для отправления купечества или для войны морской путь восприяли». Таким образом, при объяснении происхождения этого слова Миллер отказался от своего прежнего суждения (см. ранее, с. 417).

Обобщая свои наблюдения над западными источниками, Г.Ф. Миллер отметил, что «в древние времена никакой народ столько с Россиею не обращался как дацкие и норваги». «Норвяжскими» он считал также имена Рюрика, Синеуса и Трувора. Этим он возразил на мнение об их происхождении из Вагрии, где «в то время славяне жительство имели». К тому же, заметил он, Варяжское море «не по Вагрии названо», поскольку оно в таком случае было бы названо «Вагским». Отметил он и недоказанность суждения Крекшина о получении уже Владимиром Святославичем «царского венца, диадемы, и скипетра, и державы, от греческих царей присланных». Миллер требовал доказательств по историческим источникам: «Сие все надлежит доказать подлинными и достоверными свидетельствами, потому что сколько мне по русским летописцам и по греческим историям известно, то один великий князь Владимир Мономах получил в дары от греческого цесаря царскую диадиму или просто так называемую мономашескую шапку <...>». Возразил он и против мнения о происхождении Романовых от предшествовавшей династии Рюриковичей [РГАДА, ф. 17, ед. хр. 4, л. 30, 32–34].

Предоставляя равные возможности участникам дискуссии, своим постановлением от 28 января 1747 г. К.Г. Разумовский велел сообщить П.Н. Крекшину замечания Г.Ф. Миллера, с тем, чтобы он подготовил ответ в Канцелярию Академии наук с последующей передачей этого ответа и замечаний Миллера в Правительствующий Сенат. Но вместо научной дискуссии Крекшин начал интриги. 23 февраля того же года он представил свой ответ в Канцелярию. Он обвинил Миллера «в собирании хулы на русских князей», указав на рукопись Миллера с выписками из сочинений иностранных авторов о России. Эту рукопись Миллер передал Крекшину, помогая ему ознакомиться с недоступными для него материалами. Между тем, по словам Крекшина, в ней содержались «многия непотребныя записки, каковыя ему не только писать, и сообщать, и у себя держать, но и на иностранных языках не должно читать», ссылаясь в качестве доказательства на повествование польского историка Яна Длугоша, содержащееся в выписках Миллера.

В соответствии с решением академической Канцелярии Г.Ф. Миллеру передали ответ П.Н. Крекшина, но постановили «книгу, запечатав, в Канцелярии хранить до указа». 18 марта Канцелярия поручила профессорам Ф.Г. Штрубе де Пирмону, В.К. Тредиakovскому и М.В. Ломоносову рассмотреть ответ Крекшина в присутствии обоих участников спора «и по рассмотрении представить

с ясными доказательствами для подачи в Правительствующий Сенат, в Канцелярию». Старшим в комиссии был назначен Штрубе.

Между тем П.Н. Крекшин продолжил интриги, не обращая внимания на исторические факты. Он обвинил Г.Ф. Миллера в том, что он представил в Канцелярию сочинение, в соответствии с которым «фамилия Романовых» — «эта фамилия Захарьиных и Юрьевых, что ложно и противно закону». Наконец, комиссия рассмотрела доводы участников спора в их присутствии и приняла решение, о чем сообщила в репорте от 19 июля 1747 г. президенту Академии, а также в академическую Канцелярию в «Рассмотрении» от 23 июля [*Билярский П.С.* 1865. С. 88–89; *Пекарский П.* 1865. С. 22; *Материалы.* 1895. Т. 8. С. 368, 399–400, 408; [*Андреев А.И., Свирская В.Р.*]. 1952. С. 542; *Пешич С.Л.* 1965. С. 171–172].

Но эти решения П.Н. Крекшина не удовлетворили, и он обратился с «доношением» к самой императрице (секретарская помета от 23 июля 1747 г.). Теперь Крекшин обвинил Г.Ф. Миллера не только в возведении Романовых к Захарьиным и Юрьевым, но также в отрицании того, что, как он написал императрице, «ваша высочайшая царская фамилия Романовы единокровны с великим Владимиром (Владимиром Святославичем. — М. С.) и более восьми сот по мужескому колену царствующая». Особо он отметил, что Миллер «ложно написал» о призвании Рюрика «в Россию из Норвегии», тогда как «великий князь Рюрик призван из Вагрии и был крове прежних царей российских, Вагрию тогда именовались места и народы, жившие по берегу моря Варяжского, а именовались и тогда россияне».

Вменялось в вину Г.Ф. Миллеру его отрицание того, что «царю Владимиру Святославичу венец церковный, скипетр и державу от греческих кесарей Василия и Константина, Романовых детей» были присланы. Тяжким было и другое обвинение, в соответствии с которым «царя Бориса Феодоровича Годунова от убиения царевича Димитрия и от мучительства и искоренения высокой фамилии Романовых защищает и оправдает» [РГАДА, ф. 17, ед. хр. 11 а, лл. 7–7 об.].

Такие обвинения приобретали характер политический, что могло иметь тяжелейшие последствия для Г.Ф. Миллера. В их контекст было включено также утверждение о происхождении Рюрика из Вагрии, тогда как народы Балтийского побережья и тогда назывались «россияне». Все эти идеи «доношения» П.Н. Крекшина Елизавета Петровна запомнила, видимо, хорошо.

Включение М.В. Ломоносова в состав комиссии стало началом его постоянного изучения отечественной истории вместо прежнего постоянного интереса к ней.

М.В. Ломоносов принял активное участие в подготовке результатов деятельности комиссии. Подписал он и текст «Рассмотрения», составленный всеми тремя участниками комиссии [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 9–12]. Анализ «Рассмотрения» позволяет определить не только вопросы,

которые обсуждали участники дискуссии, но также те проблемы отечественной истории, с решением которых был согласен или не согласен Ломоносов.

Сложность положения членов комиссии заключалась в том, что им пришлось давать оценку двум противоположным по содержанию подходам к российской истории — с одной стороны, незамысловатым утверждениям П.Н. Крекшина, доступным сильным мира сего и простым россиянам, с другой стороны — суждениям Г.Ф. Миллера, свойственным исторической науке середины XVIII в. Ситуация еще более осложнялась антинемецкими настроениями, которые продолжали существовать в царствование Елизаветы Петровны. Так что Миллер, еще не принявший российского подданства, мог быть обвинен и как исследователь, и как сторонник антироссийских настроений.

В «Рассмотрении» приведено мнение П.Н. Крекшина, в соответствии с которым «Владимир Светославич, великий князь киевский, был царь, венчан царским венцом и помазан, и по нем все великие князи российские были цари, венчаны венцом царским и помазаны». Как следует из дальнейшего повествования, Крекшин предъявил «книги», в которых Владимир Святославич назван царем. Так он был назван в историко-литературных произведениях середины XVI–XVII в., когда титулом российских правителей стал *царь*. В частности, царем и самодержцем назван Владимир Святославич в Степенной книге.

Не различая древние летописи, где Владимир царем не назван, и позднесредневековые историко-литературные произведения, члены комиссии признали, беря под защиту Г.Ф. Миллера, что Владимира и «следовавших по нем великих князей российские писатели некоторых называли царями или самодержцами, в чем господин профессор Миллер не спорит». Но члены комиссии уверенно утверждали, что Крекшин «не доказал» своих суждений, в соответствии с которыми «все великие князи от Владимира до царя Ивана Васильевича (Грозного. — М. С.) были цари, венчаны венцом царским и помазаны», «была ли разность между великокняжеским венцом и царским, каковым царь Иоанн Васильевич венчался». Отметим они и явную ошибку Крекшина, который подумал, что византийский император прислал царский венец Владимиру Святославичу, а не Владимиру Всеволодовичу Мономаху, как было написано в «Синописе».

Анализируя различия мнений П.Н. Крекшина и Г.Ф. Миллера в сложнейшем вопросе о годах «рождения, приятия престола и преставления государей российских», члены комиссии изучали «подлинные книги и усмотрели, что оные между собою не согласуются». Так что в одних случаях, обоснованно отметили они, прав Крекшин, в других — Миллер.

Для изучения вопроса о генеалогии правящей династии Романовых члены комиссии обратились к «российским родословным книгам», к находившейся в Библиотеке Академии наук «Степенной книге», принадлежавшей ранее Я.В. Брюсу, а также к «Утвердительной грамоте» 1613 г. Они пришли к обоснованному выводу, в соответствии с которым кроме родства по свойству

в результате женитьбы Ивана Грозного на Анастасии Романовне у Романовых других родственных связей с Рюриковичами не было. Как написано в «Рассмотрении», Крекшин «на то ничего точного сказать не мог, а особливо того не доказал, почему он высочайшую фамилию Романовых производит от князя Романа Васильевича Ярославского». Таким образом, и в этом вопросе комиссия поддержала Миллера. Более того, в скрытой форме она обвинила Крекшина в искажении реальной династической истории Романовых. Обсуждались комиссией также затронутые Крекшиным вопросы генеалогии Рюриковичей и их династических связей.

В «Рассмотрении» изложено содержание обсуждения спора П.Н. Крекшина и Г.Ф. Миллера о происхождении варягов. Записано мнение Крекшина о призвании «великого князя Рюрика от варяг, то есть из Вагрии, лежащая по берегу моря Варяжского». Слова Миллера в данной связи не приведены. Записано лишь толерантное мнение Миллера по отношению к Крекшину: «ежели он мое наставление принять не хочет, то его к тому принудить нельзя». Впрочем, комиссия сочла мнение Крекшина о происхождении варягов не доказанным: «<...> кто они были и где жили, на своем мнении утверждает-ся, но доказательства его о сем деле оставляют в сомнении». Видимо, в 1747 г. Ломоносов еще не сформулировал своего отношения к этой проблеме. Возможно, и среди членов комиссии не было согласия по варяжскому вопросу. Они решили исходить из того, что «великий князь Рурик по Гостомыслову совету призван в Новгород от варяг», как из установленного факта. Так что средневековое осмысление начала Русского государства, сформулированное в XVI в., оказывало воздействие и на членов комиссии, находившихся на самом современном для первой половины XVIII в. уровне знаний. Впрочем, для них главным в этом легендарном сюжете являлось то, что таким образом в Гостомысле утверждалось местное начало российской государственности, а не основание ее пришельцами-варягами, кто бы они не были по этнической принадлежности.

Анализируя конкретное содержание спора между Г.Ф. Миллером и П.Н. Крекшиным, члены комиссии в своих решениях высказались за объективное изучение исторического прошлого России, против его интерпретации, не соответствующей информации исторических источников.

В отличие от академической комиссии В.Н. Татищев, который привык к независимому выражению своих наблюдений, решительно осудил в первом томе «Истории Российской» П.Н. Крекшина и его представления о генеалогии Романовых: «Новгородский баснословец Крекшин (имеется в виду его новгородское происхождение) безумно сложил, якобы достохвальный род Романовых от Романа Смоленского сына Ростиславля пошел, но свое незнание в истории многими обстоятельствами обличил, что он дела онаго Романа с делами Романа Мстиславича Галицкого смешал, меж которыми в летах разность немала. Он же, видимо, и того не знал, что ни в какой истории Романовых от

оного Романа более 400 лет нигде не упоминается и что в Руси шляхетство фамильных званий до Ивана I-го (т. е. Ивана III Васильевича. — М. С.) не имели, следственно, довести невозможно» [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 371]. Мнению Крекшина и некоторых хорошо образованных россиян о происхождении варягов из Вагрии противостояло изложенное уже в 1740 г. другое категорическое утверждение Татищева в комментариях к слову *варяг* в Правде Русской со ссылкой на «Нестора», т. е. на сохранившуюся в составе Радзивиловской летописи ПВЛ: «Варяги, по летописцу Нестерову, суть шведы и норвеги; финов же именуют варяги русы, т. е. чермные варяги». Позднее, в начале 1750 г., он это определение варягов откорректировал: «Варяг, довольно известное есть, что разумели финов и шведов, иногда Данию и Норвегию в то заключали» [*Татищев В.Н.* 1968. Т. 7. С. 220, 282].

24 июля 1747 г. в Правительствующий Сенат было направлено не только «представление» комиссии, но также февральское «доношение» П.Н. Крекшина, «книга» Г.Ф. Миллера, на которую был написан его донос, а также все материалы по этому делу, находившиеся в Канцелярии и в Конференции Академии наук. На их основании Сенат рассмотрел 4 августа данный вопрос, но не принял по нему какого-либо решения. Впрочем, тогда же в Сенат был вызван М.В. Ломоносов. Ему было поручено найти и перевести на русский язык тот текст Миллера, который, по словам Крекшина, представлял собой «хулу» на российскую историю. Им оказалось сообщение польского историка Яна Длугоша об унижениях, которым подвергались московские князья во время прибытия ордынских послов.

Исполняя поручение, М.В. Ломоносов лишь перевел без комментариев выписку Г.Ф. Миллера из текста Длугоша [*Пекарский П.* 1865. С. 23]. Так он вновь поддержал Миллера, оставляя решение по этому делу членам Сената.

При научном подходе к анализу этого сообщения Длугоша можно было высказать сомнение в его достоверности, как это сделал в середине XIX в. С.М. Соловьев [*Соловьев С.М.* 1989. Кн. 3, т. 5. С. 74, 349, примеч. 120]. Его можно было интерпретировать также в соответствии с объективным принципом Петра Великого, согласно которому не следовало замалчивать трудности и поражения в историческом прошлом России на пути ее становления как великой державы. При таком подходе сообщение иностранного автора не становилось поводом для обвинения в «хуле» на Россию и российскую историю.

Поскольку были возможны разные толкования текста, который П.Н. Крекшин интерпретировал как «лжи», у членов Сената достало мудрости оставить его интриги без последствий.

Такое объективное решение П.Н. Крекшина не удовлетворило. Он попытался обвинить в оскорблении царствующей династии теперь и членов академической комиссии, созданной по поводу его «доношения» на Г.Ф. Миллера. 4 декабря 1747 г. он вновь обратился в Сенат. Крекшин указал на свои

генеалогические разыскания, на свои возражения Миллеру, после чего последовало политическое обвинение всех с ним несогласных, начиная с Миллера, который, «не зная истины, заблудил и высочайшую фамилию неправо простою дворянскую дерзнул писать, и профессора Ломоносов, Тредьяковский и Штрубе в неведении же сию лжу за истину признавали». Их научному подходу к изучению генеалогии Романовых он вновь противопоставил псевдопатриотическое утверждение, в соответствии с которым царствующая в России фамилия происходила по прямой линии от «великаго князя Гостомысла и великаго царя Владимира Святославича».

Такое осмысление начала русской династической истории П.Н. Крекшин противопоставил средневековой генеалогической легенде о происхождении «высочайшей ея императорскаго величества фамилии, следующей по мужскому колену от царя Владимира», где «ложно написано начало от прусских королей». Эту легенду он поставил в один ряд с научно обоснованной генеалогией Романовых, которая, по словам Крекшина, «приписана ложно к разным родам Кобылиным и прочим». Он имел в виду Кошкиных, позднее Захарьиных, восходивших к боярскому роду Андрея Ивановича Кобылы. Крекшин обратился в Сенат с просьбой разрешить ему изобличить Миллера, Ломоносова и Штрубе, а книги, в которых написаны такие «лжи», сжечь. Такой метод уничтожения других книг и документов ранее уже практиковался в елизаветинское царствование.

Поскольку П.Н. Крекшин занимал высокое официальное положение, Сенат постановил рассмотреть это дело в общем собрании Сената. Крекшина обязали о нем ничего не разглашать. Но дело было прекращено, а в 1764 г. сдано в архив [*Пекарский П.* 1865. С. 22–24; [*Андреев А.И., Свирская В.Р.*]. 1952. С. 543].

Впрочем, если Правительствующий Сенат оставил происки П.Н. Крекшина без последствий, то президент Академии наук К.Г. Разумовский запретил Г.Ф. Миллеру заниматься генеалогическими разысканиями, чтобы он «ни в какие родословные исследования не токмо высочайшей фамилии Ее И. В., но и партикулярных людей без особливаго на то указу не вступал и никому таких родословий, под опасением штрафа, не подносил» [цит. по: *Пештич С.Л.* 1965. С. 172].

Так в начале своего пути как историка М.В. Ломоносов убедился в том, что в исторической науке обсуждение проблем времен минувших может быть связано с проблемами современными, а дискуссии научные могут быть легко трансформированы в обвинения политические. Увидел он карающие возможности власть предержащих преследовать за неудобное им научное изложение отечественной истории вплоть до призывов такие книги сжечь. Пришлось Ломоносову иметь дело и с обращением П.Н. Крекшина к властям с предложением установить государственный контроль над разысканиями об отечественной истории.

Вероятно, такой контроль был осуществлен учреждением 24 марта 1748 г. в Академии наук Исторического собрания. Формальным поводом для его появления стали предложения Г.Ф. Миллера организовать под его руководством Исторический департамент. К тому же между Миллером и приданным ему в помощь профессором истории И.Э. Фишером появились значительные разногласия. Этот повод, который привел к временному прекращению работы над «Историей Сибири», имел следствием решение, значительно более существенное для деятельности Исторического собрания. Как постановила академическая Канцелярия в соответствии с указом императрицы, «притом же многие такие сочинения, как на латынском, так на российском и других языках, производятся в печать от профессоров университета, *которые надобно, чтоб кем-нибудь или обще всеми были просмотрены и апробированы*».

В Историческом собрании должны были обсуждаться труды по истории, «сочинения, стихотворения, критические, философские и все гуманиора», а также опусы, относившиеся к академическим Университету и Гимназии. После обсуждения, при «общем согласии» эти сочинения должны были быть представлены «в Канцелярии для исполнения». Собранию следовало заседать еженедельно по средам, кроме праздничных дней, с восьми до двенадцати часов утра в зале академического Собрания. В состав Исторического собрания были включены Г.Ф. Миллер, врач и историк П.Л. Леруа, правовед Ф.Г. Штрубе де Пирмон, искусствовед, гравер и литератор Я. Штелин, историк и библиотекарь И.И. Тауберт, поэт В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, историк Х.Г. Крузиус, филолог и историк И.Э. Фишер, физик и философ И.А. Браун. Секретарем Исторического собрания был назначен Тредиаковский [Материалы. 1897. Т. 9. С. 125–126; курсив наш; члены Исторического собрания перечислены в соответствии с протоколом 1748 г.].

О том, как осуществлялся коллективный контроль Историческим собранием исследований его членов, свидетельствует решение, принятое 2 июня 1748 г. в присутствии президента Академии К.Г. Разумовского. Когда многоопытный переводчик, писатель и лексикограф К.А. Кондратович перевел уже опубликованное на латинском языке в «Комментариях Санкт-Петербургской императорской Академии наук» далекое от современных проблем исследование Г.Ф. Миллера о тангутских письменах, открытых во время сибирской экспедиции, его перевод должен был быть обсужден — «достойн ли оный перевод отдать для напечатания». Результаты принятого решения следовало «подать в Канцелярию при репорте» [Материалы. 1897. Т. 9. С. 255–256].

В 1748 г. административный контроль был ужесточен не только над творчеством членов Академии в гуманитарных дисциплинах, но также в издаваемой с 1728 г. Академией газетой «Санкт-Петербургские ведомости». Это издание было официальным. В нем публиковались не только распоряжения правительства, но также сведения о российских событиях и переводы

тех статей из зарубежных газет, о которых власти считали возможным сообщать в России.

Дело в том, что в Центральной Европе в 1740–1748 гг. велась война за «австрийское наследство». Коалиции государств во главе с Австрией и Англией противостоял союз стран во главе с Францией и Пруссией. В мае 1746 г. Россия поддержала Австрию, заключив с ней новый союзный договор, а в январе 1748 г. российская армия прошла по германской территории и вышла на Рейн, оказывая давление на Францию. Стремясь нейтрализовать активное участие России в войне, французское правительство пыталось повлиять на Турцию и Швецию, чтобы они напали на Россию. Но эти попытки оказались безуспешными. 18 октября 1748 г. был подписан Ахенский мирный договор, завершивший эту войну [Черкасов П.П. 1995. С. 48]. Эти политические и военные обстоятельства объясняют появление тех дополнительных факторов, которые способствовали усилению административного контроля и давления на интеллектуальную жизнь в России.

В соответствии с решением Канцелярии от 6 мая 1748 г. к отбору немецких и французских статей в «Санкт-Петербургских ведомостях» был привлечен профессор Я. Штелин и назначен штат переводчиков. Контроль над их переводами был поручен М.В. Ломоносову, «последнюю оных ревизию отправлять». За исполнение этой должности Ломоносов стал получать двести рублей в год дополнительно к годовому окладу.

О той структуре, в которую был назначен М.В. Ломоносов, и о распорядке службы в ней свидетельствует изданная 6 мая 1748 г. «Инструкция в ведомостную экспедицию», т. е. инструкция редакции «Санкт-Петербургских ведомостей». Корректуры французских и немецких текстов «Ведомостей» должны были находиться только в помещении экспедиции, но не дома. За такое нарушение на виновных накладывался штраф. Российские статьи в «Ведомостях» могли публиковаться только с «ведома» президента Академии, а в его отсутствие — только после визирования одного из членов академической Канцелярии.

Устанавливался жесткий контроль над содержанием публикуемых статей: «В писании от всякого умствования и предосудительных экспресий удерживаться, особливо что к предосужению России или ее союзников касается, в Ведомости не вносить же». До продажи тиража «Ведомости» на русском и немецком языках по одному экземпляру должны были передаваться в «домовую канцелярию» канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, сторонника союза России и Австрии [Материалы. 1897. Т. 9. С. 195–197].

В таких обстоятельствах постоянно ужесточающегося идеологического давления властей М.В. Ломоносов стал все более привлекаться административным руководством Академии к занятиям наукой исторической. В качестве члена Исторического собрания он посещал в апреле–июле и 21 декабря 1748 г. заседания, на которых И.Э. Фишер читал свои «примечания» на

первые пять глав первого тома «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. Секретарь Собрания В.К. Третьяковский составлял краткие протоколы выступлений участников заседаний. Лишь в двух случаях он изложил их обстоятельно. Вероятно, особо острая дискуссия возникла в связи с обсуждением текста параграфа 35 второй главы, в соответствии с которым «Ермак грабежу и разбою, чинимого от людей своих в Сибири, не почитал за погрешение».

Участники заседания 3 июня Я.Я. Штелин, Ф.Г. Штрубе де Пирмон, М.В. Ломоносов, И.А. Браун отметили, что «о сем деле должно писать осторожнее и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать». Г.Ф. Миллер согласился «переменить оное место о Ермаке». Впрочем, уже во время следующего заседания 6 июня он обратился к членам Собрания с просьбой высказаться о том, исключить ли ему текст о Ермаке, «ибо умягчить свои изображения ему никак невозможно». Они высказались за исключение этого текста. Такого же мнения был и Ломоносов. По его словам, «подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал на Сибирь, или для всероссийскаго самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ею всероссийскому монарху» Ивану IV. Поэтому Ломоносов предложил в качестве дружеского совета и в достаточно мягкой форме: «того ради, буде оные рассуждения, которые об его делах с несколькоим похулением написаны, не могут быть переменены, лучше их все выключить».

В таком обсуждении острого в политическом содержании исторического сюжета ясно прослеживается саморецензирование членов Исторического собрания, несмотря на их высокие академические звания. Слова указа «Санкт-Петербургским ведомостям» — «в писании от всякого умствования и предосудительных экспресий удерживаться, особливо что к предосужению России или ея союзников касается», — выразили в 1748 г. содержание одного из направлений внутренней политики правительства, и ему надлежало следовать. В данной связи обращает внимание доброжелательное по форме замечание М.В. Ломоносова с предложением вычеркнуть тот научный текст, который мог стать причиной правительственных гонений. Г.Ф. Миллер этому совету последовал [*Пекарский П.* 1873. Т. 2. С. 382; [*Андреев А. И., Свирская В. Р.*] 1952. С. 560–561; *Летопись.* 1962. С. 121; *Пештитч С.Л.* 1965. С. 173; *Андреев А. И.* 1999. С. 85–86].

М.В. Ломоносов поддержал Г.Ф. Миллера и в публикации первого тома «Истории Сибири». 4 августа 1748 г. Ломоносов получил его от академической Канцелярии с поручением «освидетельствовать» выполненный В.И. Лебедевым перевод книги. Отзыв он написал расширительно, подразумевая труд Миллера в целом: «По ордеру, присланному мне из Канцелярии Академии наук, “Сибирской истории” г. профессора Миллера первую книгу, переведенную с немецкого на российский язык переводчиком Васильем Лебедевым, рассматривал, и по оному явилась помянутая книга напечатания достойна». Ломоносов отметил в ней лишь «малые погрешности, которые

больше в чистоте штиля состоят» и они могут быть легко исправлены самим переводчиком. После получения такого репорта Канцелярия приняла решение книгу «отослать для печатания в типографию» [Материалы. 1897. Т. 9. С. 371; *Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 620; *Летопись.* 1961. С. 125–126].

Поддержка М.В. Ломоносовым Г.Ф. Миллера в 1747–1748 гг. в связи с происками П.Н. Крекшина и критикой его сочинений по русской истории, одобрение к печати первого тома «Истории Сибири» позволяют пересмотреть широко распространенное мнение, в соответствии с которым Ломоносов изначально являлся постоянным оппонентом, а то и противником Миллера. Следует учесть также, что оба они критиковали И.Д. Шумахера за его авторитарные бюрократические методы управления, оба поручились за И.Г. Гмелина в связи с его отъездом за границу и были финансово наказаны в связи с его невозвращением. Все это позволяет считать, что до августа 1748 г. между Ломоносовым и Миллером существовало общение коллег профессоров и академиков.

Позднее отношение М.В. Ломоносова к Г.Ф. Миллеру действительно изменилось. В историографической литературе это изменение относят к сентябрю 1749 г. в связи с написанной Миллером диссертацией «Происхождение народа и имени российского» и замечаниями Ломоносова на ее содержание [*Пештич С.Л.* 1965. С. 173–176; *Шаниро А.Л.* 1993. С. 192]. Но ранее, в октябре–ноябре 1748 г., произошли события, которые подвергли доброжелательное отношение Ломоносова к Миллеру серьезному испытанию. На эти события, кажется, не было обращено в историографии достаточного внимания.

Ж.-Н. Делиль, пользуясь тем, что ему было поручено составление генеральной карты и атласа Российской империи, и правом доступа к секретным картографическим материалам, привлекая собственные наблюдения, передавал многочисленные географические карты, в том числе и секретного содержания, в распоряжение французского правительства. Уже в 1742 г. И.Д. Шумахер обвинил Делиля в том, что он переслал во Францию секретные материалы Второй Камчатской экспедиции. Но поскольку прямых доказательств не было, он продолжил служить в Академии наук, собирая для французского правительства сведения о Российской империи.

В мае 1747 г. Ж.-Н. Делиль выехал на родину. Ему было присвоено звание почетного члена Петербургской Академии наук, установлена пенсия в 200 рублей ежегодно с обязательством содействовать во Франции «академическим делам». Но, вернувшись в Париж, Делиль отказался сотрудничать с Академией, заявив, что будет переписываться с теми академиками, которых «особливо почитает». Вследствие такого «поступка, нечестна и несправедлива», административное руководство Академии при поддержке канцлера А.П. Бестужева-Рюмина потребовало, чтобы Делиль вернул в Россию все материалы, относящиеся к российской истории и географии, и ничего без

согласия Академии на эти темы не публиковал. Российским академиком и профессорам под угрозой штрафа было запрещено вести переписку с Делилем. То же было предложено и зарубежным почетным членам Академии. Делиль был «выключен» из «списка академиков», а жалование ему более не выплачивалось. Эти решения были записаны в протоколах Академии наук под 25 июня 1748 г. Тогда же было принято постановление, в соответствии с которым письма, чертежи, ландкарты и прочие материалы Делиля должны быть принесены в Канцелярию Академии под угрозой штрафа за неисполнение [*Пекарский П.* 1870. Т. 1. С. 139–142; *Материалы.* С. 274–276; *Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 632–634].

В соответствии с этим постановлением Г.Ф. Миллер сообщил в Канцелярию, что он получил от Ж.-Н. Делиля два письма, на которые ответил, но самих писем не сохранил. Поскольку Миллер бережно относился к своему архиву, можно не сомневаться, что он эти письма уничтожил. Но академической Канцелярии стало известно содержание письма Делиля, отправленного 30 мая 1747 г. из Риги. Видимо, это письмо было перлюстрировано на почте. Как следовало из его содержания, Делиль оставил у Миллера некие материалы. Они должны были быть соединены с другими для совместного «предприятия», о котором Делиль и Миллер «довольно согласились». О содержании этого письма и об указанных в нем материалах Миллер в комиссии умолчал. Эти обстоятельства послужили поводом для организации внутреннего академического расследования. Его проведение приобретало к тому же политическое содержание, поскольку в Петербурге распространялись слухи о шпионской деятельности Делиля, дипломатические отношения с Францией в 1748 г. были прерваны, а французский посол маркиз де ла Шетарди выслан из России.

В соответствии с определением от 18 октября 1748 г. академической Канцелярии за подписью К.Г. Разумовского была создана комиссия, состоявшая из административных лиц И.Д. Шумахера, Г.Н. Теплова, академиков Я. Штелина, Штрубе де Пирмона, астронома Х.Н. фон Винсгейма, В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова. На заседании 19 октября комиссия признала достоверность копии письма Ж.-Н. Делиля, в связи с чем Г.Ф. Миллер был «оставлен» в «крайнем подозрении». Тогда же комиссия приняла решение произвести обыск и выемку материалов в доме Миллера. Их исполнение было поручено Тредиаковскому, Ломоносову и секретарю Канцелярии П.И. Ханину. В соответствии с репортом они выполнили это поручение: «во всех его (Миллера. — М. С.) камерах, ящиках и кабинетах осмотра, сколько сыскать могли, взяли, которых наложено в два большие сундука и один кулек, что канцелярскою и его, Миллеровою, печатью запечатано и в Канцелярию привезено вчерашнего числа и поставлено в судейской палате» [здесь и далее см.: *Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 173–186].

Последовавший разбор изъятого архива Г.Ф. Миллера, его «письменные и словесные» ответы относительно рижского письма Ж.-Н. Делиля лишь

увеличили подозрения членов комиссии в «его с помянутым Делилем предосудительных для Академии предприятиях». 31 октября 1748 г. комиссия в полном составе поручила М.В. Ломоносову «сочинить» «обстоятельный экстракт» из материалов академического расследования, с тем чтобы передать его президенту Академии и «требовать резолюции». Но вместо экстракта был подготовлен репорт (сохранилась его писарская копия с правкой Ломоносова).

В репорте, подготовленном в первой половине ноября, подробно изложены обстоятельства, которые стали причиной расследования. В его экспозиции обращает внимание правка писарского текста М.В. Ломоносовым. В этом тексте присутствует фраза, в соответствии с которой Г.Ф. Миллер присланного Ж.-Н. Делилем «письма не почитал за велико и не признавал в нем никакой важности и для того *ненарочно* потерял, что Делилевых писем не почитал он толь важными, чтобы их хранить». В этом изложении заявления Миллера членам комиссии случайно или намеренно писарь пропустил слово «ненарочно». Его отсутствие в репорте президенту Академии могло иметь для Миллера роковые последствия, поскольку он мог быть обвинен в преступном уничтожении улики. Ломоносов вписал слово «ненарочно». Этот поступок может рассматриваться как его стремление подтвердить слова Миллера. Возможно, в нем выразилось сочувствие Миллеру, поскольку намеренная утрата писем Делиля могла усугубить его вину перед властями.

В репорте сообщалось, что Г.Ф. Миллер признал себя виновным в сокрытии письма, полученного от Ж.-Н. Делиля, а также в том, что он «имеет недружественное сердце» «к некоторым членам Академии», что своими заявлениями дал основание заподозрить себя в намерении «публиковать вне государства чести академической предосудительные сочинения». Оба они обвинялись в том, что стремились отделить от Академии «два важные департамента» и намеревались стать в них «особливо командирами» — Делиль в Географическом, а Миллер — в Историческом. К тому же, из утаенного письма Делиля следовало, что он назвал «корпус академический фантастическим, то есть мнимым и недостойным такого почтения, какое об нем ученые люди в свете имеют» и собирался распространить в мире это мнение. Такие слухи были оскорбительны для «чести Академического корпуса».

Комиссия обвинила Г.Ф. Миллера в сохранении деловых связей с Ж.-Н. Делилем, что было для него крайне опасно, поскольку он уже стал российским подданным. По словам заключения Комиссии, такой «поступок учинен против его присяги, в которой он обязался всячески хранить честь Академии, и противу должности подданного Е. И. В.».

Репорт был подписан всеми членами комиссии, определяющее значение в которой имела администрация — И.Д. Шумахер и Г.Н. Теплов. Как убедительно предположил П.П. Пекарский, это расследование было начато и велось «по наущению Теплова» [Пекарский П. 1870. С. 350].

Участие М.В. Ломоносова в работе комиссии ставило его как ученого в сложное положение. С одной стороны, он, видимо, еще во время расследования продолжал доброжелательно относиться к Г.Ф. Миллеру и, вероятно, сочувствовал ему в такой ситуации. Ломоносов на собственном опыте еще раз имел возможность убедиться в неограниченных возможностях административного давления на членов Академии. С другой стороны, он убеждался в диктаторских методах Миллера в Историческом собрании. Но для Ломоносова все эти обстоятельства отступали на второй план перед особым значением корпоративной солидарности членов Академии, которая следовала из ее Устава, и перед обязанностями подданного Российской империи.

Впрочем, это дело было оставлено К.Г. Разумовским без последствий. По словам М.В. Ломоносова, такой исход стал возможен «по негодованиям и просьбам Миллеровых при дворе приятелей» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 287]. Возможно, и Разумовский понимал, что по данному делу достаточно ограничиться своим «пристойным выговором». По его словам, можно «по искусству его в науках ожидать от него (Миллера. — М. С.) немалой пользы Академии». Поэтому его следовало в Академии сохранить. Разумовский откровенно писал, что если Миллер не изменит своего отношения к Делилю, не будет в полной мере привержен Академии наук, то «всегда найдется поступить с ним по указам Ея И. В.». Так что, постановил президент, Миллеру «быть по-прежнему у своего дела», т. е. он был восстановлен в своих должностях [*Материалы.* 1897. Т. 9. С. 556–557].

Данный эпизод с Г.Ф. Миллером и с академическим расследованием обратил внимание М.В. Ломоносова на то, *что* и *как* писал Миллер, в частности, в отношении российской истории.

Участие М.В. Ломоносова в Историческом собрании, в обсуждении и утверждении к печати первого тома «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера свидетельствовало о его значительных возможностях в освоении ремесла историка. Поэтому административное управление Академии наук решило все более привлекать его к разысканиям об истории России. Ближайшая возможность для этого представилась, когда В.Н. Татищев обратился, вероятно, к И.Д. Шумахеру с просьбой, чтобы Ломоносов написал посвящение к первому тому «Истории Российской» (как написал Ломоносов в письме к Татищеву, «предызвещение» к «Истории Российской» и примечания были переданы ему Шумахером [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 461]).

В.Н. Татищев высоко ценил труды М.В. Ломоносова. В его библиотеке находился изданный Ломоносовым перевод «Физики» Х. Вольфа. Ломоносовскую «Риторику» он назвал наряду с сочинениями В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова произведениями «хвалы достойными» [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 342, 444]. Поэтому не удивительно, что Татищев обратился за помощью к Ломоносову, а Шумахер эту просьбу поддержал.

Письмо В.Н. Татищева не сохранилось. Но, учитывая, что М.В. Ломоносов датировал свой ответ Татищеву 27 января 1749 г., опальный административный деятель и историк обратился за помощью в конце 1748 — начале 1749 г.

Написанное М.В. Ломоносовым предисловие и письмо позволяют установить тот круг идей, которыми он руководствовался в своей деятельности в 1748 г.

В.Н. Татищев собирался посвятить свой труд наследнику престола великому князю Петру Федоровичу, внуку Петра Великого. Такое посвящение в правление Елизаветы Петровны предполагало указания на преемственность деяний потомков Петра. Идеи петровских традиций были свойственны также Татищеву и Ломоносову. Так что Ломоносов излагал в посвящении не только мысли Татищева и его труда, но и собственные взгляды на историю в контексте идеологии того времени.

М.В. Ломоносов раскрыл основное содержание труда В.Н. Татищева как историю государства в деятельности его правителей: «Дела бывших в России владетелей <...> ясно показывают широко распространенные пределы сего государства». Но история не должна стать славословием государям и государству. Поэтому Ломоносов обратился к диалектической мысли Петра Великого, в соответствии с которой в истории должны изображаться не только победы, но также тяжелые испытания, преодоление которых раскрывало всю тяжесть трудов и потерь для обретения побед: «<...> но как оное возрастало, и умножение его могущества и славы *коль тяжким затруднениям подвержено было, и как оные преодолены*, о том весьма немногие знание имеют, *лишаясь достоверного описания деяний российских*». По Ломоносову, отрицательными следствиями славословия является то, что «затмеваются» заслуги государей перед Россией и «древнего российского народа славное имя», остаются неизвестными «добрые примеры мужественных поступков и премудрых поведений». Такое объективное изложение отечественной истории Ломоносов характеризует как проявление патриотизма — «искренняя любовь» и «горячее усердие к отечеству». Эти знания должны не только сообщать россиянам сведения о реальной российской истории, но также иметь воспитательное значение — они «природную добродетель к достохвальным делам побуждать могут» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 15–16; курсив наш].

В письме к В.Н. Татищеву М.В. Ломоносов полностью поддержал содержание «Предызвещения» — «оное весьма изрядно и во всем достаточно и поправления никакого не требует». Такого рода характеристика Ломоносовым сложного в своем содержании введения к первому тому «Истории Российской» свидетельствует о том, что к началу 1749 г. он хорошо разбирался в вопросах теории и историографии исторической науки.

Содержится в письме лишь одно тактично выраженное замечание. М.В. Ломоносов напомнил В.Н. Татищеву о его объяснении, почему он не рассматривает в «Истории Российской» время правления Петра Великого —

дабы «упомяная худые дела знатных некоторых людей, не досадить бы их фамилии», т. е. в недавнее для авторской работы Татищева время еще были живы деятели Петровской эпохи и их ближайшие потомки. Поэтому Ломоносов тактично отметил, что надо быть последовательным и «сие правило надлежит <...> наблюдать и в самом предызвещении» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 462].

М.В. Ломоносов, осознавая связи исторических идей с общественно-политической жизнью государства, в начале 1749 г. стремился не связывать их с деятельностью общественно-политических персонажей, еще здравствующих, или их потомков. В труде В.Н. Татищева он увидел иной подход. Эпизод, упомянутый Ломоносовым, содержался в «Предызвещении» первого тома второй редакции «Истории Российской». Татищев датировал изложенные в нем события 1717 г.

В начале этого эпизода В.Н. Татищев упомянул графа П.И. Мусина-Пушкина, по его словам, «человека великого лицемерства и коварства исполненного». В присутствии Петра Великого Мусин-Пушкин стал восхвалять его деяния и «уничтожать» «дела» царя Алексея Михайловича. Петр был разгневан таким лицемерием и пошел к Я.Ф. Долгорукому, известному своим правдолюбием и неподкупностью. Тот сказал государю, в чем заключались достоинства его правления, а в чем — его отца. Завершил Долгорукий свои размышления следующей сентенцией: «Что же рассуждают, якобы государи каковых министров умных или глупых имеют, таковы их и дела, но я противно разумею, что мудрый государь умеет мудрых советников избрать и верность их наблюдать, итак, у мудраго не могут быть глупые министры, понеже он о достоинстве каждаго разсудить и правые советы от неправых и вредных различить может». Петр был доволен суждениями Долгорукого. А.Д. Меншиков и другие старались «озлобить» на него государя, но в этом не преуспели [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 87–88].

На это повествование М.В. Ломоносов обратил внимание В.Н. Татищева. Но тот не учел сделанного ему Ломоносовым замечания. Они находились в разном положении. Ломоносов занимался активной научной и литературной деятельностью в столице. Поэтому указания на недостойные деяния предков современных ему знатных родов были для него невозможны. Татищев также придерживался этого принципа. Но в условиях поднадзорной болдинской ссылки для него более существенным оказалось стремление к правде и справедливости в изложении исторических событий. Впрочем, Ломоносов вскоре учел этот татищевский урок.

Как следует из письма М.В. Ломоносова к В.Н. Татищеву, в начале 1749 г. он считал себя специалистом только в естественных науках. Отвечая на предложение Татищева перевести псалом 103, Ломоносов написал ему о двух обстоятельствах, которые препятствуют исполнению такого намерения: «Первое — недосуги, ибо главное мое дело есть горная наука, для которой

я был нарочно в Саксонию послан, также химия и физика много времени требуют, кроме текущих дел в Академических собраниях». В качестве второго обстоятельства Ломоносов назвал опасение, что он может не справиться с адекватным изложением содержания «псаломских стихов». Действительно, он переводил сто третий псалом, но так и не закончил работу над переводом [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 462, 804, примеч. 2; Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б. 1975. С. 93–94].

В научной литературе, разумеется, обращали внимание на обсуждение В.Н. Татищевым и М.В. Ломоносовым стихотворного перевода псалма 103, тем более что в поэтическом творчестве Ломоносова есть блестящие образцы такого рода переводов. Но, кажется, исследователи не обратили достаточного внимания на содержание этого псалма. Речь в нем идет об определяющих все сущее животворящих деяниях Господа, о воспевании Господа. Впрочем, завершается псалом не благостно, а угрозой: «Да исчезнут грешники с земли, и беззаконных да не будет более». В таком содержании псалом 103 соотносится с эпизодом о людях неправедных в «Предъизвещении» В.Н. Татищева.

Тема борьбы с «грешниками», людьми неправедными, близкая М.В. Ломоносову в его жизни ежедневной и в деятельности академической, вторгалась и в его занятия наукой исторической. В 1747 — начале 1749 г. эта тема была актуальна для Ломоносова в период сопротивления проискам П.Н. Крекшина, его непрофессиональному изложению отечественной истории. Возникла она и в скандальном эпизоде письма Ж.-Н. Делиля к Г.Ф. Миллеру, и в его переписке с В.Н. Татищевым при обсуждении вопросов исторических и литературных.

В таком состоянии идейного и нравственного сопротивления «грешникам» и людям «беззаконным» М.В. Ломоносов встретил летом и осенью 1749 г. новую острую ситуацию, которая возникла в Академии наук в связи с предстоящим празднованием 5 сентября дня тезоименитства императрицы. Составной частью этих событий должно было стать назначенное на следующий день торжественное заседание в Санкт-Петербургской императорской Академии наук. Данная ситуация осложнялась тем, что в абсолютистском государстве такое событие приобретало общероссийское политическое значение.

2. Обсуждение диссертации Г.Ф. Миллера в 1749–1750 гг.

В соответствии с регламентом Академия должна была проводить три публичных ассамблеи — в память своего основателя Петра Великого в начале января, в память императрицы Екатерины I в начале мая, а также в честь тезоименитства здравствующей императрицы 5 сентября. Такое торжественное заседание должно было состоять из чтения двумя академиками диссертаций (так в то время назывались доклады на научную тему) — одна на русском